

ХРИСТОСЪ И ПЕШЕЛЬНАЯ МГЛА ¹⁾.

Что всякій человекъ долженъ защищать и естественно защищаетъ истину, въ которую вѣрить—это само собою разумѣется, объ этомъ нѣтъ никакого вопроса и спора. Вопросъ былъ и есть только въ томъ: *какими средствами* должно защищать истину вѣры ..

Вл. Соловьевъ (Соч. т. V. „Порфирій Голловлевъ о свободѣ и вѣрѣ“).

„Намъ, свѣтскимъ людямъ, кажется невозможной религія, какъ добродѣтель, какъ *summa virtutum*“ и далѣе: „Мы хотѣли бы, чтобы духовныя лица загремѣли негодованіемъ, анаемами: тогда мы увидали бы границу между собою и ими, которую теперь не видимъ“ ²⁾. Въ такихъ словахъ В. В. Розановъ бросаетъ упрекъ тѣмъ „духовнымъ лицамъ“, которыя, по его мнѣнію „не имѣя вовсе, такъ сказать, метафизики христіанства, не только вѣрной, но и никакой“ ³⁾, очень „гармонично“ сидѣли за однимъ столомъ съ „писателями“, ведя съ ними пріятные разговоры за „однимъ и тѣмъ же вкуснымъ чаемъ“, но въ отвѣтъ на свѣтскія недоумѣнія смогли лишь выставить весьма неудовлетворяющее автора выраженіе: „Мы—добрые люди, и не понимаемъ, чего вы отъ насъ хотите“. Слѣдовало загремѣть анаемами, а они этого по скромности и „вышей деликатности“ своей и не сдѣлали!

¹⁾ По поводу статьи *В. В. Розанова*: „О сладчайшемъ иисусѣ и горькихъ плодахъ міра“. Русск. Мысль, 1908, январь.

²⁾ Русск. М., стр. 39

³⁾ Ibid.

Но прежде всего: зачѣмъ же ужъ и „анаемы“?

Церкви и ея представителямъ едва ли слѣдуетъ черезчуръ часто и неразборчиво прибѣгать къ столь исключительному (радикальному) средству. Да и вообще, напри- мѣръ, не будь излишнихъ „анаемъ“—быть можетъ Сервету и Савонаролѣ, о которыхъ, почему-то вдругъ взгустнулось В. В. Розанову, въ началѣ его статьи, и удалось бы „подать свой голосъ“ въ спорѣ „писателей“ съ ихъ духовными совопросниками. А затѣмъ: противъ чего же должны были „загремѣть анаемы“? И не были ли болѣе правы „духовныя лица“, оставаясь на позиціи просто „добрыхъ людей“, какъ и подобаетъ служителямъ прежде всего *безконечно-добраго* Христа?

Очевидно, что анаемы должны были загремѣть противъ далеко уже не новаго, но лишь по новому формулированнаго и парадоксально ловко, остроумно развитого В. В. Розановымъ тезиса о противоположеніи Христа міру, или, другими словами, противъ очень обычнаго, въ послѣднее время, съ легкой руки Ницше, выпада противъ христіанства, весьма излюбленнаго „писателями“, придающими себѣ религиозную окраску въ „новомъ стилѣ“. Вся оригинальность трактовки В. В. Розановымъ этого тезиса сосредоточивается лишь на слѣдующемъ афоризмѣ: „Богъ имѣетъ ни одно дитя—Исуса, но двухъ—міръ и Исуса“ ¹⁾, и вотъ въ антитезѣ-то этихъ двухъ „дитятей Божіихъ“ и состоитъ ядро всѣхъ послѣдующихъ разсужденій, обильно изукращенныхъ, затѣмъ, различными, болѣе или менѣе вычурными фіоритурами, вродѣ вопроса о томъ, почему „былъ именно Савль, а затѣмъ сталъ именно Павелъ, а не просто былъ Павелъ“, соображеній о причинѣ того, что „міръ раздался—и пало въ него Евангеліе“, а „Евангеліе вообще не раздается для міра, о взаимной „инкрустаціи“ Гоголя въ Евангеліи, и обратно, и о другихъ мудреныхъ вещахъ.

Въ конечномъ итогѣ, всетаки приходится сознаться, что хотя все это и небезынтересно и даже, мѣстами мѣтко и остроумно, но едва ли ужъ заслуживаетъ черезчуръ большихъ взысковъ и негодованія, и тѣмъ болѣе „анаемъ“. Думается, что и самъ Христовъ, который, по словамъ В. В.

¹⁾ Ibid. стр. 38.

Розанова, „никогда не смѣлся“, быть можетъ именно на многое во всемъ этомъ и улыбнулся бы снисходительно. Но и только.

Обезувѣченіе, отускненіе жизни „монашескимъ“ христіанствомъ уже комментировалось на разные лады столь часто, что вдаваться здѣсь въ споръ о томъ: дѣйствительно ли оно покрыло *языческую* античную жизнерадостность „налетомъ пепельной грусти“ было бы [и излишне, и неинтересно. Взглянемъ лучше на то, что ближе къ намъ; посмотримъ въ какой мѣрѣ то-же христіанство повинно и въ томъ, что наша современная жизнь такъ плотно затягивается *пепельной мглой* беспросвѣтнаго горя для однихъ и не менѣе беспросвѣтной, сытой пошлости или безсильныхъ умствованій— для другихъ. Сдѣлавъ это, мы тотчасъ же наткнемся на весьма странный и знаменательный фактъ перваго появленія этого современнаго флера какъ разъ, приблизительно, со середины прошлаго, XIX вѣка, т. е. какъ разъ съ той эпохи, когда христіанство, да и вообще всякое религіозное настроеніе, стало особенно быстро исчезать изъ духовнаго обихода человѣчества. Жизнь, если брать ее лишь исключительно съ эстетической точки зрѣнія, была красива и въ мистической готикѣ средневѣковья, и въ блескѣ Возрожденія, и въ жизнерадостности вѣка Флоріана и Ватто, и даже въ близкую къ намъ эпоху романтиковъ, о которой еще и теперь такъ сладко вадыхаютъ иные изъ современныхъ художниковъ, а тутъ вдругъ начала тускнѣть, но уже едва-ли по винѣ христіанства, впаваго именно тогда въ почти полное презрѣніе среди дѣлавшихъ жизнь людскихъ массъ. Въ этотъ-то историческій моментъ, Гоголь, по словамъ Д. С. Мережковскаго, „первый увидалъ чорта безъ маски, увидалъ подлинно лицо его, страшное не своей необычайностью, а обыкновенностью, пошлостью“ ¹⁾. Увидалъ и погибъ. Впрочемъ, съ того времени (1903), когда было вполне отчетливо высказано это положеніе, очевидно кружокъ религіозныхъ искателей, корифеями котораго являются какъ Д. С. Мережковскій, такъ и В. В. Розановъ, претерпѣлъ, повидимому, какую-то эволюцію, такъ какъ отъ послѣдняго изъ этихъ писателей мы уже слышимъ нѣчто другое, а именно: „Го-

¹⁾ „Судьба Гоголя“. „Новый Путь 1903, кн. I, стр. 39.

голь взглянулъ внимательно на Иисуса и бросилъ перо, умеръ“¹⁾. Есть разница, но чему-же повѣрить? Въ исторической послѣдовательности надо было бы, конечно, повѣрить болѣе новому мнѣнью, но думается, что хотя и болѣе старое заявленіе Мережковскаго все-таки какъ будто несравненно ближе къ истинѣ. Да, со времени Гоголя, небесная лазурь сильно-таки затмилась траурнымъ флеромъ многого, начиная съ коптящаго дыма фабричныхъ трубъ. Ликъ-то Христа, пожалуй, черезъ этотъ флеръ и совсѣмъ не видно.

И если, по своеобразному выраженію В. В. Розанова: „Гробъ—это хребетъ и четыре ноги (sic!) христіанства. Имъ оно бѣжитъ впередъ, на гробъ зиждется“²⁾, то неужели-же христіанство, и тѣмъ болѣе Христось, создали и тѣ даже не „черные“, а уныло-сѣрые гроба, куда забиваетъ большую часть человѣчества современная въ общей массѣ, почти совершенно чуждая, всякому религіозному чувству, матеріалистическая, „плотная“ культура?

Посмотримъ теперь въ другую сторону,—туда, гдѣ „вкусный чай, варенье, вино, большія рыбы и хорошія квартиры“, ну и все прочее, около чего обыкновенно столь настойчиво кружится мысль В. В. Розанова. Все это, казалось-бы, должно хоть нѣсколько украситъ „сѣрые гроба“ жизни.

Но нѣтъ, и тутъ тотчасъ же обнаружится, что уже во всякомъ случаѣ не Христось „пепелить“ всѣ перечисленные выше цвѣты благополучія, а наоборотъ, пожалуй они закрываютъ отъ насъ Его ликъ все болѣе и болѣе толстѣющей грудой мѣщанской сытости, „удобряемой“ еще и всѣми, столь дорогими нашему сердцу жизненными удобствами услужливой техники. Впрочемъ что же и заслоняетъ намъ Христа, если мы и смотримъ-то, или, вѣрнѣе, посматриваемъ на Него лишь изрѣдко. Для „смотрѣнія“ на Него вѣдь нужно время и это скучно, и не въ модѣ, а, по Розанову, такъ пожалуй еще и небезопасно—пожалуй взглянешь, да и умрешь, какъ Гоголь...

Мы не смотримъ, а жизнь тускнѣетъ, опошляется, захватываетъ грязными руками все то, что всего дороже, что всего чище и красивѣй.

¹⁾ Русск М., стр. 41.

²⁾ Ibid., стр. 37.

Вотъ, напримѣръ, строго держась своей точки зрѣнія, В. В. Розановъ говоритъ: „Коли серьезна семья—христіанство вдругъ обращается въ шутку; какъ только серьезно христіанство—въ шутку обращается семья, литература, искусство“¹⁾. Но вѣдь признавъ это утвержденіе вѣрнымъ, можно, пожалуй, обрадоваться, что именно теперь у насъ христіанство достигаетъ своего апогея, такъ какъ уже какихъ-же еще предѣловъ „шуточности“ приходится искать въ современной семьѣ, литературѣ, искусствѣ? Многое-ли остается—во всемъ этомъ не „захватаннымъ“, не заплеваннымъ, не забрызганнымъ самой липкой, самой зловонной грязью? Конечно, кое кто изъ избранниковъ судьбы и здѣсь находитъ возможность пьянѣть отъ счастья, но большинству, обыкновеннымъ смертнымъ всего чаще приходится лишь мучительно думать: куда-бы уйти или хоть „пойти“. „Вѣдь надо-же, чтобы человѣку хоть куда нибудь можно было пойти“, говоритъ, у Достоевскаго, одинъ очень несчастный человѣкъ.

И вотъ, чтобы скрыться хоть куда нибудь отъ „обывательщины“, отъ непроходимаго мѣщанства со всѣми его „вкусными чаями и большими рыбами“, чтобы только не жить и не умирать „дрянно, кисло, нагоняя тоску на другихъ“, люди, смотря по духовному складу, рвутся хоть куда нибудь: въ порокъ, въ тюрьму, на эшафотъ, хоть-бы за химерой, за призракомъ, лишь бы онъ былъ хоть немного красоченъ, ярокъ, безъ пепельнаго налета пошлости. Что же—и тутъ христіанство повинно? Даже и въ томъ случаѣ, если отъ него въ душахъ нашихъ остался „какой то кусочекъ, тихо теплющійся въ груди, на ряду съ няюшкиными сказками“?

Нѣтъ, уже какая тутъ вина христіанства, коли именно о немъ то мы почти и забыли, и лишь кое какіе чудачки, подѣ страхомъ всеобщаго недоумѣнія, а иногда, впрочемъ и просто если не изъ подлинной оригинальности, то изъ „оригинальничая“, смотрятъ и въ отреченіе и въ аскетизмъ и даже—*horribile dictum*—въ монастырь. А почему знать, можетъ быть и въ отреченіи отъ міра со всѣми его „горькими плодами“ и „вкусными чаями“, тоже есть прибѣжище для иныхъ, хотя-бы и немногихъ душъ? Вѣдь признаетъ-же и самъ В. В. Розановъ, что „отшельники знаютъ свои сладости“.

¹⁾ Ibid., стр. 37.

Но конечно эти „сладоcти“ совсѣмъ иного порядка, чѣмъ тѣ, сквозятъ и черезъ „святую плоть“ Мережковскаго и черезъ пресловутую „тайну пола“, трактуемую иными съ мистической точки зрѣнія, а иными уже и безъ всякихъ точекъ—лишь бы побольше доселѣ запретнаго обнаженія.

Нѣтъ, здѣсь другое.

Вотъ, на примѣръ, В. В. Розановъ очень недоволенъ тѣмъ, что яко-бы Христосъ мѣшаетъ „духовнымъ лицамъ“ ходить даже въ театръ, гдѣ оказывается, очень *весело*. Но, во первыхъ, какъ знать, можетъ быть и не всѣмъ весело, а затѣмъ, вѣдь не самъ же ли онъ говоритъ во исполнѣ справедливомъ (дай только Богъ, чтобъ искреннемъ!) заключеніи своей статьи о томъ, что „Великая красота дѣлаетъ насъ безвкусными къ обыкновенному, а все обыкновенно, сравнительно съ Иисусомъ“ ¹⁾. А если такъ, то что-же „необыкновенное“ находитъ В. В. Розановъ въ театрѣ и тѣмъ болѣе въ исполненіи на флейтѣ (?) русской пѣсни „Во-лузяхъ“, особенно рекомендуемой имъ, впрочемъ, почему-то, лишь „г.г. епископамъ“ ²⁾? Или, можетъ быть, необыкновенны „веренье, большія рыбы и хорошія квартиры“? Или, можетъ быть, все это такъ полезно для желудка и для всего прочаго, что и отказаться нельзя, даже передъ лицомъ „Сладчайшаго Иисуса“? Думается, что все-таки есть на свѣтѣ и такіе люди, которымъ быть можетъ и удалось вкусить хоть крошечку того, что В. В. Розановъ называетъ, на своемъ яркомъ языкѣ, „сладчайшимъ, неслыханымъ, подлинно-небеснымъ“, послѣ чего уже конечно „плоды міра“ очень легко могутъ показаться даже не горькими, а, что всего хуже, до скуки, до тошноты прѣсными, насквозь пронизанными пепельной мглой опошленія.

Нѣтъ, положительно далеко всей этой, даже не „святой“, а попросту „дебелой“ обывательской плоти до высотъ Христова духа! Духъ этотъ вѣетъ „тихимъ дуновѣніемъ“, сдувая пепельную мглу жизни исчезающую передъ нимъ потому, что въ вѣяніи его—Богъ. И если даже, черезъ всю толщу вѣковъ, изъ безчуръ далекаго отъ насъ золотого вѣка античныхъ культуръ порой доносится до насъ запахъ тлѣ-

¹⁾ Ibid., стр. 40.

²⁾ Ibid., стр. 36.

нія, лишь заглушенный, въ свое время, христіанскимъ еміагомъ, то теперь-то въ вѣкѣ золота и желѣза, „укорачивающаго жизнь“ намъ особенно нужно сладкое благоуханіе небснаго „моно-цвѣтка“—Христа. Лишь оно сможетъ сгладить вопіющій къ небу ароматъ крови, трудового пота и дыма современныхъ „фабричныхъ“ жертвоприношеній. Вѣдь не даромъ же и В. В. Розановъ признается, что „Иисусъ дѣйствительно прекраснѣ всего въ мірѣ, и даже самого міра“¹⁾...

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, что лучше, не въ теоріи конечно, а въ тяжелой жизненной практикѣ: „добрые люди“ или „христіанская метафизика“, мнѣ хотѣлось-бы припомнить, здѣсь, кстати, одного изъ самихъ скромныхъ, чеховскихъ людей, сельскаго священника о. Якова (въ разсказѣ „Кошмаръ“). Несчастный „батюшка“, какъ разъ, на бѣду свою, встрѣчается именно съ однимъ изъ „свѣтскихъ людей“, не чуждыхъ религіознымъ настроеніямъ вплоть до написанія проповѣди („Дамъ тому, рыжему, пусть прочтетъ въ церкви“...), и уже во всякомъ случаѣ до благодушныхъ соображеній, въ нашей сельской церкви, о томъ, что „какъ у св. Петра наружное величіе, такъ здѣсь простота и смиреніе“, и т. д. Добрымъ-то знакомый о. Якова, конечно, не оказывается, такъ какъ, по своимъ быстрымъ соображеніямъ, весьма бойко и поспѣшно пишетъ архіерею доносъ на бѣднаго попа, якобы за негодность и нетрезвость, а главнымъ-то образомъ, очень разсердившись на то, что батюшка, послѣ обѣдни, чаемъ его не угостилъ (вотъ онъ „вкусный-то чай“ куда ведетъ!).

Впрочемъ, послѣ оказалось, что у о. Якова и во всемъ домѣ то чаю не было... „ни соринки“...

А вотъ кое что и изъ столь знакомой В. В. Розанову области, кое что о семьѣ, столь „елейно“ любимой имъ и наполняющей его, повидимому, даже священнымъ трепетомъ восторговъ. Тутъ, впрочемъ, уже отъ восторговъ будетъ далеко...

Все въ той-же статьѣ о сладчайшемъ Иисусѣ встрѣчаемъ мы еще и такое утвержденіе: „Церковь позволяетъ священникамъ жениться, но на комъ нибудь и сейчасъ, безъ вы-

¹⁾ Ibid., стр. 40

бора и влюбленія, т. е. такъ все обставлено въ ихъ женитьбѣ, что женихъ можетъ, и долженъ, быть влюбленнымъ не больше, чѣмъ офицеръ въ солдата. *Отношенія офицера и солдата сохраняются, а любви нѣтъ*“¹⁾. Ну, а вотъ отъ о. Якова мы слышимъ слѣдующее: „Ну, положимъ, я свесу и голодь и срамъ, но вѣдь у меня, Господи, еще попадаья есть! Вѣдь я ее изъ хорошаго дома взялъ! Она бѣлорусая и нѣжная, привыкла къ чаю и къ бѣлой булкѣ, и къ простынямъ... Она у родителей на фортепьянахъ играла... Молодая еще, и двадцати лѣтъ нѣтъ. Хочется небось и порядиться, и пошалить, въ гости съѣздить... А она у меня... хуже кухарки всякой, стыдно на улицу показаться. Боже мой, Боже мой! Только и утѣха у нея, что принесу изъ гостей яблоко или какой кренделечекъ...“ А вѣдь когда „свѣтскій человѣкъ“ подмѣтилъ, какъ о. Яковъ кренделекъ то у него за чаемъ въ карманъ сунуль, то одно лишь и сумѣлъ подумать: „Ну ужъ это совсѣмъ не по іерейски! Что это—поповская жадность, или ребячество“? Эхъ, ужъ какія тутъ „офицерско-солдатскія отношенія“! Ну право-же, святой кренделекъ о. Якова никакъ не ниже метафизическо-мистическихъ разсужденій того-же В. В. Розанова хотя-бы, напримѣръ, о томъ, что „іудей есть желтокъ того пасхальнаго яичка, скорлупу и бѣлокъ котораго составляетъ эллинизмъ“, что зародышевое пятнышко въ этомъ желткѣ есть „жидъ съ его таинственнымъ обрѣзаніемъ“, и что „это пархатое мѣсто на всемірной исторіи (т. е. жидъ?), крайне непрезентабельное на видъ, но которымъ весь міръ держится“²⁾.

А если, помимо злоключеній многочисленныхъ русскихъ о.о. Якововъ, вспомнимъ мы и еще многое другое, надвигающееся на человѣчество неистребимой гидрой всесильнаго мѣщанства, если вглянемъ попристальнѣе на кое что уже и теперь разверзающее передъ нами свои страшныя язвы, то, хотя, конечно, все это будетъ отзываться общими мѣстами, будетъ съ извѣстной точки зрѣнія прѣсновато и безвкусно, но зато уже со всей очевидностью придется признать, что „духовныя лица“ стануть, въ жизни, всего ближе къ своему призванію лишь просто и безхитро, признавъ себя „до-

¹⁾ Ibid., стр. 35, курсивъ мой.

²⁾ Ibid, стр. 37.

брыми людьми“, добрыми пастырями, да и дѣйствительно будучи ими. А „метафизика“, въ свое время приложится. Мистическія настроенія велики и сладки, но требуютъ уединенія, удаленія отъ всего, что ихъ можетъ нарушать, удаленія отъ міра, черезчуръ часто спугивающаго своей суматохой тихихъ, бѣлыхъ птицъ чистой мистики. Близко къ этому стоитъ и истинно христіанская „метафизика“—но она дается не разсужденіями за чайнымъ столомъ, а тяжелымъ опытомъ внутренняго Богопознанія, раскрывающагося не въ каждой душѣ и тоже больше всего боящагося даже самой изящной обывательной суетоки. Но служителямъ алтаря Христова, труждающимся не въ затворѣ, а въ мірѣ, нельзя ограничиться лишь сладкимъ созерцаніемъ неземной красоты Пастыря—имъ надо еще и пасти стадо Его, а для этого прежде всего необходимо исповѣданіе, каждымъ поступкомъ своимъ, словъ Апостола: „Если знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто“.

II. С.
